

(1) Полжизни Виктор Дмитриевич Дувакин проработал на филологическом факультете Московского университета. (2) Нам, его последним дипломникам, он казался тогда старым-престарым. (3) Ещё бы: он был на похоронах Есенина, дважды видел Маяковского...

(4) Массивный, медлительный, по-профессорски рассеянный, Виктор Дмитриевич никак не мог избежать внимания записных остроумцев. (5) Их удачи он принимал без видимого огорчения — снисходительно и добродушно, а то и с откровенным удовольствием. (6) «Уж полночь близится — Дувакина всё нет!..» — пели, изображая отчаяние, заждавшиеся студенты в университетском капустнике.

(7) «Виктор Ду-, Виктор Дувакин, где я вас найду?» — импровизировали в самодеятельной бригаде, объединившей энтузиастов поэзии Маяковского.

(8) Но из обширного фольклора о себе Виктор Дмитриевич больше всего любил присловье, сочинённое ещё в недрах предвоенного Литмузея: «Дувакин вспомнил то, что он забыл, и тут же забыл то, что вспомнил».

(9) Первое время его собеседования со мной начинались одним и тем же загадочным вопросом:

— Вы, кажется, родом из Козлова?

(10) Нет, — отвечаю для краткости, — я из-под Винницы. (11) Каждый раз это было ему как подарок. (12) Его лицо тотчас озарялось счастливой улыбкой, и он с видом заговорщика смаковал пикантную фразу из арсенала Маяковского: «Как плюются в Виннице».

(13) Память — это страсть, и Дувакин мог забыть что угодно, только не строку своего поэта.

(14) При случае Виктор Дмитриевич готов был прорычать что-нибудь из Державина, выхватить клок у Алексея Константиновича Толстого, спародировать Игоря Северянина, погудеть Пастернаком...

(15) Но Маяковского читал постоянно: в своё удовольствие и с аппетитом — как в яблоко вгрызался.

(16) Его Дувакин любил безоговорочно и потому помнил вдоль и поперёк. (17) И только потому, что любил и помнил, им занимался: разбирал строчку за строчкой, отыскивал источники и реалии, толковал, комментировал...

(18) На пятом курсе я принёс Виктору Дмитриевичу полтора десятка неизвестных статей Маяковского, подписанных разными псевдонимами. (19) На полках уже стояли три полных собрания сочинений поэта, и поздняя студенческая находка выглядела слишком неправдоподобно. (20) Виктор Дмитриевич вызвал Варвару Аветовну Арутчеву, долгие годы работавшую с рукописями Маяковского, и они вдвоём, проверяя на прочность, стали терзать меня так, как потом уже не терзал никто. (21) Когда я позже рассказывал об этом Рудольфу Дуганову, он хмыкнул: «Ну как же! (22) Дувакин знает всего Маяковского наизусть. (23) И если соглашается на новые тексты, то для порядка должен будет их выучить». (24) А тут не стихи, а проза, и не строчками, а погонными метрами. (25) Через два года нашу общую публикацию Рудик надписал: «Бесконечному Виктору Дмитриевичу...»

(26) «Бесконечность» Виктора Дмитриевича стала очевидной для многих в феврале 1966 года, когда судили Андрея Синявского, его бывшего студента из семинара по Маяковскому. (27) Дувакина вызвали в суд свидетелем. (28) И он сказал там то, что сказал бы у себя дома, на кафедре или в студенческой аудитории. (29) Он помнил Андрюшу с первых занятий, когда тот выглядел ещё классическим гадким утёнком. (30) Но время шло, и гадкий утёнок на глазах превратился в прекрасного белого лебедя... (31) Судья вынужден был остановить свидетеля. (32) Для этого мрачного места больше подходили другие слова, которыми, кстати, вовсю осыпали Синявского и Даниэля в газетах: подонки, оборотни, пасквилянты, нравственные уроды, наследники Смердякова... (33) Если бы Дувакин ими воспользовался, если бы подтолкнул своего воспитанника за решётку, он выполнил бы долг советского преподавателя и коллеги по филфаку гордились бы им. (34) А так на учёном совете они скопом осудили его и потребовали уволить за несоответствие занимаемой должности. (35) Всё это заседание мы протомились за дверью. (36) Когда вышел Виктор Дмитриевич, Зина Новлянская упрямо замотала головой: «Для нас вы соответствуете».

(37) ...На окончание университета Виктор Дмитриевич всем нам подарил по книге Маяковского со своими комментариями, а на титуле каждому указал его страницу и строчки. (38) Вале Мартыновой досталось: «Послушайте! (39) Ведь, если звёзды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?» (40) Марине: «Деточка, все мы немножко лошади, каждый из нас посвоему лошадь». (41) А мне: «Ищите свой корень и свой глагол, во тьму филологии влезьте. (42) Смотрите на жизнь без очков и шор».

(43) И я стараюсь. (44) Правда, когда снимаю очки, почти ничего не вижу.

(По В. В. Радзиньевскому*)

* **Владимир Владимирович Радзиневский** (род. в 1942 г.) — литературовед, литературный критик, журналист.

Из предложений 6–10 выпишите антонимы (антонимическую пару).

